

18+

Вячеслав Киктенко

*Ячменное
зёрнышко*

Сборник рассказов

Вячеслав Киктенко

**Ячменное зёрнышко.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Киктенко В.

Ячменное зёрнышко. Сборник рассказов / В. Киктенко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515616-7

В книге «Ячменное зёрнышко» собраны рассказы разных лет, различного объёма. Их объединяет пристальный взгляд из настоящего в прошедшее — как весьма уже отдалённое, «Советское время», так и сравнительно недавнее, время «Новой России».

ISBN 978-5-00-515616-7

© Киктенко В.
© Издательские решения

Содержание

ВЯЧЕСЛАВ КИКТЕНКО	6
РАБОЧИЙ	7
ВАСЯ-ЧЕЧЕН	9
ЯЧМЕННОЕ ЗЁРНЫШКО	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ячменное зёрнышко

Сборник рассказов

Вячеслав Киктенко

© Вячеслав Киктенко, 2020

ISBN 978-5-0051-5616-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВЯЧЕСЛАВ КИКТЕНКО

СБОРНИК РАССКАЗОВ ЯЧМЕННОЕ ЗЁРНЫШКО

СОДЕРЖАНИЕ:

- РАБОЧИЙ
- ВАСЯ-ЧЕЧЕН
- ЯЧМЕННОЕ ЗЁРНЫШКО
- А МАЛЬЧИК ГОВОРИЛ...
- АНТИЧНЫЕ БАСНИ ПРО ЭТО

РАБОЧИЙ

Странное дело, почему-то всё чаще в последнее время всплывает из памяти, из давней-предавней были, из самого детства, смерть почти незнакомого мне человека. А точнее – его похороны, казалось, мимо меня прошедшие похороны, но, как выясняется теперь, не совсем, и очень даже не совсем, мимо.

Я и мои друзья, такие же дошколята, жившие в одном дворе, в большом (по тем временам) двухэтажном доме, изредка видели его, этого человека, устало возвращавшегося с работы через наш двор в свой частный сектор, окруживший «большой» дом. Немолодой, дюжий человек, он шёл, устало, но твёрдо впечатывая шаги в утопанную тропу, изогнувшуюся мимо нашего подъезда, сквозь соседские палисадники и сады в свой одноэтажный домик, скрытый в сирени. Он был рабочий с завода имени Кирова, эвакуированного во время войны в наш южный город, да так и оставленного здесь на бессрочные времена. Завод был союзного подчинения – кто же думал, что великая страна будет развалена? Работал завод на оборонку, ориентирован был на крупные, непреходящие дела. Вот и люди оттуда казались крупными, вечными. А, может, и в самом деле были такими?

Да, рабочие 50-х мне запомнились именно такими, словно бы все на одно лицо – суровые, грузно ступающие по земле мужики в серых суконных робах. Они были малоразговорчивы (или так казалось?), будто навсегда были изваяны или отлиты из какой-то сверхпрочной материи, которой сносу нет, и не будет. Даже по праздникам, выпивая в беседке своей рабочей компанией, они переговаривались глухо и кратко, словно всё на свете им уже давно было известно. Так что и слов лишних тратить не надо. Они были – свой, отдельный от всех других, и словно бы возвышенный над всеми другими, мир. Содружество молчаливых, сильных, суровых людей, своими руками возводивших промышленные гиганты, создававших послевоенные грузовые машины «Медведь» и «Буйвол» с волновавшими детское воображение стальными нашлапками на кабинах.

Мы, ребятишки, взахлёб спорили какая машина сильнее – та, на которой изображён медведь, или буйвол? Даже, можно сказать, свои партии у нас были: партия «буйволистов» и «медведистов».

А что, были же в то время партии оперных фанаток – «лемешистки» и «козловистки»? Были. Почему нашим не быть? Были...

Сословие служащих, интеллигентов было заметно иным. Люди иной статьи, иной стати. Они не так тяжело ступали по земле, как рабочие. Они были словоохотливее, легче, прозрачнее. Но вот что удивительно – именно рабочие нам, ребятишкам, казались... настоящими! Вряд ли здесь играла роль пропаганда, тогдашнее восславление «гегемона», трудового авангарда. Да и что особенного они имели, в отличие от остальных? Уровень жизни? Как у всех других. Только что вот эти серые роботы, тяжкий труд, грузная поступь. Нет, здесь, в этом ощущении их отдельности от других, было нечто природное, а не социальное. Может быть, подсудно чужалось, что вот именно за этими сутулыми плечами – правда. Подлинность. Именно **трудом** заработанный кусок хлеба. Но ведь работали все – и отцы наши, и матери! Безработных не было. Были лентяи, спившиеся, но *класса, сословия* безработных не было!..

Как я сейчас понимаю, это было какое-то подземное, хтоническое ощущение огненной стихии, с которой имел дело рабочий. Домны. Железо. Плавка. Ковка. Молот. Кузня. – со всем этим накрепко, насмерть связывалось понятие **Рабочий**. И ещё чувствовалось – на этих плечах стоит страна. А страна громадная! Как же груз её давит на плечи? Так давит, что сутулятся они, даже такие костистые, такие могучие...

Два грузовика, две «полуторки» проехали через наш двор, изгибаясь меж буйно разросшихся к весне кустов сирени. В дощатых кузовах молча стояли мужчины, люди с завода. Один

чёрный венки, один красный гроб – и ничего больше. Ни цветов, ни медных труб, ни страшного Шопена, раздирающего душу. Молча занесли лёгкий гроб в избу, молча вынесли тяжёлый. Погрузили в «полуторку», постояли с обнажёнными головами, и – тронулись. Одна машина с гробом и венком, другая с людьми. Вся округа, вышедшая на прощание, также молчала. Я спросил старшую сестру:

– «А почему без цветов, без музыки?..»

Сестра ответила очень кратко, но странно убедительно:

– «Потому, что он был рабочий...»

И уже ничего не надо было мне объяснять, я словно и в самом деле вспомнил (как мог забыть?) – ну да, ведь он же был рабочий, рабочий!.. И всё встало на свои места.

«Полуторки» медленно проехали через двор, вырулили на улицу Кирова, напрямик ведущую к заводу. Мы все медленно, как замороженные, двигались вслед. И вот, когда машины уже пошли по прямой, к родному заводу, оттуда раздался тяжкий, словно бы утробный, не такой, как обычно, – долгий-долгий вой заводской *сирены*...

По гудку начинали день. По гудку отмечали время перерыва. По гудку заканчивали труд. Но то был – *гудок*, давно привычный, и всё же всегда заглушавший любые будничные шумы – зазывания точильщика, крики петухов, перебранку домохозяек. Гудок был частью жизни не только завода, но всего городского быта. Казалось, он был и будет всегда. Времена, когда его отменяют,

могли бы тогда показаться дурным сном. Отменить гудок – всё равно, что отменить пушечные залпы в Питере, у Петропавловки. Но вот, отменили, однако ж. Где сон, где явь?..

Да, в тот день была именно *сирена*, а не гудок. Гудок звучал деловито, собранно и недолго. А этой скорбный вой тянулся, словно из-под земли, и всё никак не оканчивался. Машины уже почти скрылись из вида, а он всё тянулся, тянулся, тянулся...

Он не вынимал душу, как шопеновское рыданье, он собирал людей воедино – таких разных, таких вздорных порою в быту, но становившихся вдруг молчаливыми, вдруг обретшими непонятную, невесть откуда взявшуюся силу и значимость, людьми – современниками.

И пока он гудел, и даже когда умолк, во мне странно звучали они, не объясняющие ничего, но объяснившие всё, слова сестры: «Потому, что он был рабочий...» Да они и теперь не забылись, и теперь, получается, живут во мне, по-прежнему ничего не объясняя, лишь заставляя думать, всякий раз по-новому думать и чувствовать. А ещё – помнить. А ещё – делать и жить (всё чаще молча теперь, даже в слове) – делать и жить.

ВАСЯ-ЧЕЧЕН

– Пацаны, пацаны, Вася-Чечен!.. – вдруг разносился восторженный, исполненный затаённого ужаса крик, и мы, позабросив игры, со всех концов двора начинали напряжённо стекаться к воротам. Что-что, а уж это зрелище пропустить никак было нельзя.

Шествие Васи-Чечена по городу, обычно в сопровождении супруги, было событием. И совершалось оно чаще всего вверх по улице Ленина, мимо нашего двухэтажного дома, стоявшего на перекрёстке бывших улиц Кирова и Ленина.

Вася-Чечен жил в нижней части города, где-то в районе Малой Станицы, и выходы его в верхнюю часть не могли остаться незамеченными, особенно нами, детьми 50-х годов.

Это был неофициальный Праздник, который потом долго обсуждался нами на вечерних посиделках у домово́й кирпичной трубы во дворе, обсуждался с навора́чиванием самых невероятных подробностей, подсмотренных в щели забора.

Забор наш, прочно замыкавший многоквартирный дом, строился по-старинному капитально, в добротном верненском стиле. Город Верный когда-то, в основании своём, был казачьей крепостью, и даже после революции долгие годы потом сохранялся в нём уклад и быт семиреченских казаков.

Вот и забор наш, с каменными столбами для коновязи, врытыми в землю, с мощными опорными брусьями, с покато́й крышей-навесом, сооружался в старом казачьем стиле.

Хоть и потрескался, и покосился от времени наш забор, но по-прежнему служил надёжной защитой от бродяг, от набегов соседского хулиганья, с которыми у нас по смутной традиции велась нескончаемая, необъявленная и ничем не объяснимая война. Война без чёткого различия возраста, пола и нации.

А уж разнообразие наций в послевоенной Алма-Ате было густоты невероятной. Одних ссыльных сколько! – только начни перечислять – не скоро закончишь...

Немало чеченцев, высланных в Казахстан, перебралось со временем в Алма-Ату, где жили они своими тесными общинами. Как правило, в частном секторе. Строили дома на несколько семей, – большие глухие дома с узкими окнами, напоминавшими крепость. Старшее поколение жило мирно, занимаясь в основном строительством и торговлей, а молодёжь нередко бузотёрила. Но испугать видавший виды город они не могли. Турецкие, корейские, балкарские башибузуки были не менее активны, а интернациональные центровые банды, в основном русско-казахские, вообще, как тогда говорили, «держали мазу» в городе. Словом, ничем особенным чеченцы не выделялись. «Поножовщики» – говорили про них, и это как бы само собой разумелось: горец всегда при кинжале. А за неимением оного – при ноже. «Партбилет» – с гордостью именовали молодые бандиты свой тесак. И все спокойно посмеивались.

В общем, ничем очень уж «эксклюзивным» чеченцы той поры из общей массы не выделялись, так что затаённый ужас при упоминании Васи-Чечена связывался не с грозным образом бандитствующей молодёжи, а с грандиозностью легендарной фигуры самого героя.

Да, Вася-Чечен был настоящей легендой города – тех лет, той эпохи. И рассказать хочется именно о нём – пусть лишь отрывочными воспоминаниями и детским восприятием – но именно о нём, а не о последующем «кавказском феномене». Если только это возможно... если возможно отделить те воспоминания от сегодняшних тёмных событий.

...мы всем скопом никли к щелям забора и – глазели! Смотрели десятками выпученных глаз на Шествие Васи-Чечена по улице Ленина. Оно длилось не более двух-трёх минут, но этого хватало для великолепных переживаний.

Он шёл, грузный, как мамонт, как некое доисторическое существо, медленно переставляя огромные ступни и неподвижно глядя вперёд, вверх, в сторону синеющих гор-ледников, а чуть поодаль почти семенила его крохотная жена. Счастья ходить под руку с мужем ей

не досталось не только потому, что по старым чеченским обычаям женщина должна идти несколько позади мужчины, но ещё и потому, что, при всём своём желании, она попросту не дотянулась бы до локтя. – Она была вполовину короче его...

Нет, она не была карлицей, эта была обыкновенная, среднего телосложения полноватая женщина.

Зато Вася-Чечен был человеком-горой! Говорили, рост его составлял два с половиной метра!.. или около того...

Это был знаменитый спортсмен, легенда мирового баскетбола 50-х – Увайс Ахтаев. А для всего города просто Вася. Вася-Чечен. О нём роились самые невероятные слухи и легенды.

Говорили, что именно из-за него пришлось переделывать мировые баскетбольные правила. Он, и вообще довольно грузно передвигавшийся, не очень-то суетился на самой игровой площадке. Но вот у кольца противника, а в особенности у своего кольца наступали его звёздные часы.

В отличии от всех баскетбольных гигантов, Вася-Чечен выдавался не только ростом, но непомерною широтою в плечах, костях, суставах – он был громаден целиком, этот человек-гора. Мяч в его руке казался яблоком, пусть даже крупным яблоком, знаменитым алма-тинским Апортом, и он играючи зажимал его пятернёй. Его могучая лапища полностью покрывала кольцо, и оно становилось практически недостижимым для мяча противника...

С беспомощным изумлением понаблюдав некоторое время за небывалым баскетболистом, мировое судейство перекроило старые правила, запретив продолжительную стойку игрока под кольцом.

Вероятно, во многом благодаря той перекройке и стала закатываться легендарная звезда Увайса Ахтаева в большом спорте. Он стал просто городской легендой – Васей-Чеченом. Таким и остался, и запомнился навсегда – запомнился любому, кто хоть раз в жизни видел его.

Ходили слухи о его невероятной силе и доброте. Крупные люди вообще по природе своей редко бывают злобны. Зло, вероятно, само по себе тесновато, как-то не по мерке гиганту. Оно более по росту мелкоте. Смешно даже представить себе злорадствующего богатыря – хихикающего, пакостничающего...

Ездил он в особой машине, в старом «Москвиче», переделанном специально под него. Костоправы нарастили крышу, убрали переднее сиденье и удлинили руль. Только так Вася-Чечен (всё равно горбившийся в кабине) мог управлять легковушкой. А без машины он уже не мог. Ходить пешком с годами становилось всё тяжелее, грузневшая масса тела неумолимо давила на костяк, и раздавила в конце концов, погребла под собою гиганта...

Теперь, из далёкого далека мне чудится, что именно так в доисторические времена погибали ископаемые великаны – масса тела и атмосферы давила их, вытесняя с земли, и уступили они своё место новым, более компактным и хищным племенам...

Но тогда, ещё в полной своей мощи, Вася-Чечен – по нескончаемым легендам – творил чудеса.

Рассказывали очевидцы, как он один вытащил из грязевой лужи, на нижней дороге в Татарке, целую машину с пассажирами, которых заклинило внутри. Очевидцы вчетвером пытались вытащить, и не смогли. А Вася-Чечен смог. В одиночку.

Другие, тоже якобы очевидцы, рассказывали как парились с ним в бане, где он чуть не прибил своим громадным членом пьнчужку, заводившего Васю-Чечена на подлый спор.

Пьянчужка, слишком уж развязно восторгаясь диковинными размерами члена, подначивал великана: а не слабо станет вышибить им дверь в парилке? Обычно сдержанный и молчаливый гигант, в конце концов не выдержав, заревел:

– «Да я лучше твои собачьи мозги вышибу!..» – и, схватив руками гневный, чудовищно набрякший член, так саданул по башке, что пьнчужка свалился с полков и потерял сознание...

Вообще на эту рисковую тему немало слухов ходило. Говорили, что самой мучительной проблемой было подобрать для Васи-Чечена подходящую женщину. Маялся он долго со своим гигантизмом, его не выдерживали даже очень крупные особы. Но вот однажды родичи всё-таки привезли из дальних мест вполне заурядную на вид пухленькую женщину, которая и оказалась той самой, единственной, по сердцу и ладу подругой жизни для Васи-Чечена. Так ли это, нет ли – такие ходили слухи.

А жена его и впрямь отнюдь не была великаншей, уж это я могу засвидетельствовать. Но вот игру природы, загадки её и прихоти разгадывать не берусь...

Однако жил, и донине живёт слух, который распространился далеко за пределы Алматы, и мне кажется, связан он именно с Васей-Чеченом. От его образа и пошёл погуливать по стране...

В одном из рассказов Василия Шукшина есть эпизод, где герой болтает про некий лило-вый штамп в своём паспорте: «*Захоронению не подлежит*». Якобы, будущий труп загодя закуплен у него не то музеем, не то моргом. Был, точно помню, ходил слух о том, что можно недёшево продать себя при жизни для каких-то анатомических целей, а деньги пустить в оборот уже сейчас. Хорошо помню это потому, что один мой приятель-хохмач, по младости и нетрезвости ума, решил проверить слух на себе. – Уговорил меня позвонить в морг и предложить покупку его тела мрачным учреждением. А деньги, естественно, прогулять.

Вышло презабавно.

– «Какое *Д е л о*?.. Дело уже закрыто, мы же договорились, уладили!..» – залепетал в трубке испуганный голос. Ага, стало быть и у вас делишки лихие творятся – не без изумления успел отметить я, и поспешил успокоить тишайшее заведение:

– «Да не Дело, а Тело!..»

Когда служитель морга наконец понял о чём идёт речь, тут же неузнаваемо переменялся, – облегчённо, и уже с басовитой наглостью, расхохотался:

– «Ну лохи, ну лопухи!.. да вы на слухи о Васе-Чечене

купились!.. тому и правда, говорят, Ленинградский музей предложение делал. Не знаю, согласился ли Вася, но музей понять можно – такого уникала поискать! А у вас что?.. обычный человек?.. ваш приятель, говорите?.. да кому он, на фиг, нужен! А, кстати, почему он сам не звонит? Робеет? Скажите, пусть не робеет, – если на выпивку не хватает, у нас тут Петя-Мясник есть, он ему трёшку даст на опохмел души... а потом зарубит, на фиг!..»

Тут уже я ужаснулся:

– «Зачем ему это, вашему Пете?..»

– «А на засол!..» – прогнусил ликующий голос, и в трубке раздались короткие гудки.

Так вот, с большой долей уверенности смею

предположить, что слухи о предварительной продаже тел пошли именно из Алматы, и даже в художественную литературу просочились. – Это теперь тоже часть легенды о Васе-Чечене.

... а вблизи, не из-за забора, – в первый и последний раз – видел я его на стадионе «Спартак», в начале 60-х годов. Он сам уже не играл, только судил матчи.

Массовый спорт в те времена весьма поощрялся, вокруг стадионов устраивались открытые спортплощадки, где проводились бесплатные матчи команд самых разных уровней – по волейболу, баскетболу, городкам...

Отец как-то взял меня с собой на такой открытый – для всех горожан – баскетбольный матч, который судил Вася-Чечен. Мне уже шёл десятый год, но давний мистический ужас вспыхнул в душе, когда я увидел вблизи Васю-Чечена.

Он восседал со свистком во рту на обычном табурете, как раз перед центральным кругом площадки, и неотрывно следил за игрой. А вот я той игры так и не увидел толком. – Инстинк-

тивно прячась за отца, сбоку, но очень пристально я разглядывал Великана, героя нашего детства.

Даже сидя на стуле, он возвышался над стоявшими рядом болельщиками. Возвышался даже над отцом, который и сам был роста не маленького – за метр восемьдесят...

Не огромные руки, не могучие плечи теперь поражали меня, но – Лицо. Я впервые по-настоящему увидел его, это громадное, грустное лицо великана из древних сказаний. Оно, казалось, как сама земля старинных преданий, было изрыто глубокими морщинами, тёмными выпуклостями и впадинами. А в одной из самых глубоких впадин жили – глаза. Они были огромные, грустные... и – какие-то совершенно неотсудные... нездешние, неземные глаза.

Что он судил?..

Игры каких лилипутов пытался понять и рассудить их? Зачем всё это ему, пришельцу из другого измерения, из другой эры, помнящему, наверное, иные великие племена, иные народы?.. – кажется такие, или похожие на такие мысли проносились во мне и не давали следить за игрой...

На обратном пути я спросил отца:

– «Ты видел, к а к а у него голова?..»

Отец, хорошо почуявший моё состояние, ответил в тон, но с добродушным юмором:

– «Да-а, как у коня... не меньше...»

– «Ты что! – возмущённо выкрикнул я – коней т о г д а не было, т о г д а были другие!..»

Отец внимательно поглядел на меня, удивлённо покачал головой и ничего не ответил...

Зачем я это теперь вспоминаю?

Даже себе не отвечаю.

В России смута, малые и немалые племена всё делят-не поделят несчастные клочки земли. Мелочность, суэта, распродажа всего и вся, кишение обезличенных толп, как на предметном стекле под микроскопом... а он всё всплывает из памяти, тот великаний образ – образ неотмирного существа, восхищавшего детское воображение...

Словно бы и теперь он способен, словно он один способен примирить, угасить собою все наши мелочные сегодняшние страстишки...

Но ведь он рухнул... рухнул он, тот ослабевший костяк, рухнул под несоразмерною массой!..

Значит, он был **н е п р а в и л ь н ы й** в *этом* мире?

Так почему же всё видится он, видится издалека? – молчаливый, печальный великан, медленно уходящий в горы...

...уходящий вдаль со своей верной подругой...

...а мы, пучеглазое восторженное племя, всё глядим ему вслед из щелей забора...

...мы взволнованы небывалым видением, воочию сошедшим со страниц любимых сказок, легенд, преданий...

...мы словно бы ожидаем его возвращения...

...и даже не его самого, а той самой силы...

...той самой силы, доброты, благородства неведомых нам великанов, которые обречены —

– да неужели же так непоправимо обречены?! —

на грусть, уют и, в лучшем случае, на досужее изумление в иных, сильно сузившихся временах?..

...в иных племенах...

...В ИНЫХ ИМЕНАХ...

ЯЧМЕННОЕ ЗЁРНЫШКО

Памяти Егора Гилева

Егор, Егор, Егор... крапивное семя. И не было, и нет перевода вам, мастеровым, трудягам-оформителям, книжным графикам. И даровитым, и не шибко талантливым. Нет вам перевода, и слава Богу. Без вас утратила бы жизнь – не то чтобы яркие свои краски – нет, но некий, не вполне зримый огрубевшему глазу тон, точнее даже – фон, внутренний, как бы заэкраннный фон бытия. Или, говоря на твоём, Егор, языке, языке живописца – загрунтовку, на которой и вершится, и цветёт радужными красками корифеев пёстрая картина мира, явленного в подлинно художественных перлах...

Впрочем, была и у тебя, как у всякого «нутрянного», въедливого художника своя заветная полочка. Взглянуть на неё далеко не каждому доводилось, ибо то было Святое Святых, – серия «Заступники народные». А вот мне довелось. Проникся доверием Егорушка. Да и то сказать, как не проникнуться после совместной работы над книгой, после множества совместно выпитого в задушевных беседах?

К тому времени, о котором пойдёт речь, а это были 80-е годы, работая в издательстве, я давненько уже присматривался к этому, не то что странноватому и одинокому, но как бы отдельно от всех стоящему и ходящему человеку. Кержак, родом с Алтая, седоватый мужик, медленно но неотвратно подбирающийся к шестому десятку, он не чурался общества художников, в основном молодых и «продвинутых», как им казалось, ребят и девушек, окончивших столичные вузы.

Пил с ними охотно и много, никогда не пьянел. Только гуще и пронзительнее синели глаза на тёмном, словно бы вырезанном из алтайского корня лице с резко обозначенными, вперёд выдвинутыми скулами. Выправка была удивительная, словно этот деревенский мужик окончил некогда кадетский корпус, где военной выправке придавалось нешуточное значение. Тем кадетам, кто имел несчастье сутулиться, привязывалась к спине палка, которую не позволялось снимать ни днём, ни ночью. Так и спали, а потом ходили с болтающейся за спиной палкой, терпели насмешки и унижения, покуда не преодолевался врожденный либо обретенный в барской лени порок и не становился сутулящийся юнец стройным, прямым, как и все остальные выученики кадетского корпуса.

Вот и Егор... диву давался я, как он, немолодой человек, в любом застолье, когда и молодые уже скрючились или «растеклись пластилином», как он стройно и строго сидел, слегка насмешливо взблескивая порою из-под кустистых бровей иссиня-черными своими глазами – сужившимися, и ещё пронзительнее засверкавшими.

Никаких заказов он, старый книжный график, не чурался. – Работа есть работа, дают подзашибить копейку, и на том спасибо. Тем более, от него мало что зависело в выборе – молодые, сбившись в плотную модернистскую стайку, хозяйничали в издательстве напропалую, лучшие заказы забирали, естественно, себе, отдавали любовницам, родственникам, друзьям...

А мне нравилась манера Егора. Оформлял он книги в основном чёрно-белой графикой. Никаких изысков, шрифтовых завитушек, за которыми теряется смысл, а порою и слово невозможно прочесть, у него не было. Строгая, четкая линия, предельно точно подчеркивавшая смысл написанного. Именно то, что мне и требовалось. Я тогда издавал книгу стихов «Световид», основу которой составляли древнеславянские мифы, верованья, заклинания. Много прочел книг по этой тематике, пока не наткнулся, наконец, на детальное изображение Збручского идола. Это и был знаменитый верховный Бог древних славян – Род-Световид. Вытянутый головою вверх, космический и фаллический одновременно идол. Разные поименования

его приводились в книге: и Свентовит, и Святovit, и Световит... мне нужен был именно – Вид, как бескрайний круговой обзор света. И я нашёл этот вариант – Световид. Ствольно вытянувшийся вверх, смотрел он словно бы свысока на все четыре стороны света, прямой, вырубленный из единого мощного древа, и на каждой стороне его – от лица до подножия – изукрашенный магическими знаками-оберегами древних славян. Тут и лунный рожок, и ритуальный жреческий нож, и конь-князёк, и коло – восьмигранное колесо-солнце...

Я попросил Егора, с которым к тому времени уже неплохо был знаком по работе, заняться оформлением книги. Причём попросил шибко не фантазировать (можно было и не просить!), а просто дать чёткое изображение статуи в начале и в конце книги, а также разложить по деталям – рожок, конь, коло – перед каждой новой главой.

Егор изумительно точно воспроизвёл всё то, о чем я просил. Книгу сдали в производство, а до выхода её в свет мы с Егором хорошо погуляли. В основном на мой аванс. Да что там погуляли, – подружились и духовно во многом сошлись. Во многом, но не во всём.

Егор был, что называется, радикальный консерватор. Никакие малевичи с кандинскими, никакие модернисты с авангардистами для него в живописи не существовали. Как и в поэзии, впрочем. А стихи он любил безумно, мог читать и слушать часами. Но вот авангарда, как русского, так и мирового, не воспринимал.

«Душа не берет, понимаешь? Суди как хочешь, а вот не ложатся на душу все эти эквилибристы... извращенцы!..» – так реагировал на чтение ему Дилана Томаса, Элиота, Эзры Паунда. И даже наших модернистов и авангардистов называл по большей части нерусью. Даже к родимому Хлебникову относился с большим подозрением. Понимал, конечно, понимал, и уж точно чувал – это стихи не просто поэта, а поэта-великана. Но ценил всё равно лишь «разумное, доброе, вечное», как именовал русскую классику, в основном из старой школьной программы.

Когда однажды я попытался пояснить ему своё, естественно, «истинное» понимание «рубленого» языка, значение корнecентрической сути и величия Хлебникова, обозначив его чуть ли не единственным русским поэтом, которого (в отличие от гениальных наших, хрестоматийных классиков 19 века, по форме и часто даже по содержанию принадлежащих всё же к поэтам с европейской культурной ориентацией), можно назвать даже *древнерусским* поэтом, восходящим к самому «Слову о полку», Егор удивлённо вскинул брови.

Я пошёл дальше, стал развивать мысль о том, как в структурных глубинах языка, где-то в подпочвенных его недрах порою смыкаются чуть ли не воедино архаисты и новаторы (да хоть бы те же авангардисты, но – не модернисты), Егор устало махнул рукой и грустно молвил:

– «Устал я, знаешь, от этих умствований... и потом, пусть они себе гениальны и даже родственны, все эти твои Державины-Хлебниковы, а Пушкин, Некрасов, Есенин мне всё одно милее...»

Я тогда лишь язвительно скаламбурил: «Да, были когда-то и мы русаками...»

Однажды Егор приоткрыл мне Святая Святых. Купил литр водки, позвал в гости и, волнуясь, отдернул шторы в заветном чуланчике... включил переноску...

С полки смотрели классики: Лев Толстой, восседавший на троне... Некрасов с кувшином молока и очень тревожными почему-то глазами... Достоевский, весь ушедший в себя, словно придавленный неподъемными какими-то думами... Пушкин... Есенин... Шолохов... Шукшин... Рубцов...

Гравюры были прекрасно выполнены, серия сама по себе очень интересна. Я бы сказал – литературно интересна. И берег он её от людских взглядов как последнюю свою надежду. Никем особо не признанный художник, лелеял, видимо, надежду под конец жизни поразить неблагодарных искусствоведов и зрителей своей «Лебединой песней»...

Песней, которая так и не была спета до конца.

Не зная толком что ответить Егору, сказал то, что само и напрашивалось на язык – почему именно такой выбор, такой отбор звёзд из великого космоса русской литературы? И тут у нас завязался, а точнее продолжился давно уже начатый, порою яростный, порою лукавый спор.

– «Егор, а Тютчев у тебя будет?..»

– «Я думал... много думал... страсть как люблю, а всё же в эту серию – „Заступники народные“ – Тютчев, пожалуй, не вписывается... не вписывается, и всё тут!..»

– «Но почему? Вспомни, сколько у него болевых, гражданственных стихотворений. Их, пожалуй, даже поболее, нежели „чистая лирика“...»

– «Это да, это так... но согласишься, что лучшие его стихи, его шедевры – это как раз то, что ты называешь чистой лирикой. А чистая лирика – все же индивидуализм в своей основе. Серия „Заступники народные“... – Соборное начало. И это во-первых!» – гордо и даже грозно вострубил Егор, тяпнувший уже пару стаканов белой. Я тоже не отставал.

– «Ну, а Лермонтов будет?»

– «Лермонтов?.. может и будет. А может и – нет! – опять грозно и не без затаённой злости какой-то рявкнул Егор. – Знаешь, все эти печорины, княжны мэри, демоны... ну какой он, скажи по совести, заступник народный? Гениальный мальчишка, не успевший раскрыться во всю мощь... люблю его и жалею страшно... а вот не решил, до конца не решил...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.